КАТОРГА И ССЫЛКА

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВЕСТНИК

№ 7

МОСКВА
1923

Евгений Белыка

9(47):05
(05) 95. 1923 №7

ОБЩЕСТВО БЫВШИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

КАТОРГА И ССЫЛКА

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВЕСТНИК

КНИГА СЕДЬМАЯ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Вл. Виленского (Сибирякова)

БИБЛИОТЕКА
Д. П. Д.
Лен. Комит. ВКП(б)
№ .....

ПЕТРОГРАД
1923

БИБЛИОТЕКА
ДИСКУССИОННОГО КЛУБА
№ 95.

Дом Плеханова
№ 307

СОДЕРЖАНИЕ.

Отдел I. Из истории революционного движения.

Л. Дейч. Из отношений Г. В. Плеханова к народовольцам.
Л. Федорченко (Н. Чаров). Г. В. Плеханов. (Из воспоминаний.)
Н. А. Семашко. О детских годах Г. В. Плеханова.
Г. В. Плеханов. Конспект.
Б. Козьмин. Один из первых литературных опытов Г. В. Плеханова.
М. Ю. Ашенбреннер. Военно-революционная организация партии Народной Воли.
И. Минаев. Автобиография рабочего-революционера.
М. Русов. «Святая святых» царской охранки.
Ад. Михайлов. К портрету С. Н. Богомолец.

Отдел II. Каторга, ссылка и тюрьма.

Вл. Виленский (Сибиряков). Последнее поколение Якутской ссылки.
А. Измайлович. Из прошлого.
А. Биценко. В Мальцевской женской каторжной тюрьме.
Ядов. Бутырки.
Львов-Марсиянин. Паразит.
«Трудовая группа». Из архива В. Н. Фигнер.
Д. Старков. В Преображенку.

Отдел III. Лики отошедших.

Я. Тов. Золотарев. Памяти тов. Фельдмана.
И. Жуковский-Жук. Памяти Н. Ф. Степанова.
Гилл. В. Д. Медем.
М. Галкин. Памяти тов. Васильева.

Отдел IV. Библиография.

С. Пионтковский. По журналам. (Обзор исторических журналов за первую четверть 1923 года.)
По книгам: Проф. В. Н. Сторожев. Н. Бабахан. Советы 1905 года. И. Бороздин. В. Е. Чешихин-Ветринский. Н. Г. Чернышевский 1828—1889 г. С. Пионтковский. Революция в Крыму. Я. Д. Б-м, Н. А. Бухбиндер. Материалы по истории еврейского рабочего движения в России. В. Н. Сторожев. Декабрист. М. С. Лунин. — Проф. В. Бочкарев. Из истории рабочего и коммунистического движения в Ярославле. В. Н. Сторожев. А. А. Лопухин. Отрывки из воспоминаний. Б. Горев. Материалы для биографического словаря соц.-дем. В. Алексеев. В. А. Поссе. Воспоминания. Н. Головина. Станислав Бржозовский. Зарево. Б. Козьмин. Библиография периодики.
Хроника общества б. политкаторжан.

Об чем спор.

Разумной-то головушке
Как не понять крестьянина?
А свиньи ходят по-земли —
Не видят неба век!....

Некрасов.

В золотой век нашей журналистики каждый из лучших тогдашних журналистов держался одного, строго-продуманного и строго-определенного направления. Сотрудники не противоречили друг другу, разноголосицы и диссонансов не было слышно. Это означало, что по всем затрагиваемым вопросам редакции имели определенные взгляды, с точки зрения которых и рассматривали представляемые им статьи. Теперь этой определенности во взглядах редакций как будто не видно, по крайней мере такое впечатление производят те кошачьи концерты, которыми стали угощать своих читателей «Слово» и «Отечественные Записки». Так, например, в июльской и августовской книжках «Слова» помещались статьи о «староверии». Автор этих статей держится, очевидно, того взгляда, что характер русского народа и в истории и в современной действительности представляет особенности, не встречаемые в истории и в современном быте народов западно-европейских. Верен или нет этот взгляд, о том речь впереди; теперь мы заметим только, что, помещая названную статью, редакция тем самым заявляла свою солидарность с ними (sic!), и помещать статью г. Кулишера, представляющую если не прямое, то во всяком случае косвенное возражение автору «староверия» (тем более, что г. Кулишер величает «круглыми невеждами» всех, признающих особенности русского народного характера), — допустить такую разноголосицу сотрудников мог только редактор, который с своей стороны «свободен» от всяких мнений по спорному вопросу.

Если, отчаявшись найти что-либо цельное в толстых книжках «Слова», читатель возьмется за «Отечественные Записки», он придет в еще большее удивление. На страницах этого журнала помещались правдивые очерки г. Златовратского. Их было много; но

читатель не забыл, вероятно, лучших из них: «Крестьяне - присяжные», «Устои» и, наконец, помещенный в ноябрьской книжке рассказ «Деревенский Авраам». Все эти очерки убеждали читателя в том же, в чем убеждали его и научные исследования г.г. К-на, Соколовского, Ефименко, покойного Щапова и отчасти г. Кавелина, т.-е. что русский народ все привык делать «скопом», что артельный, общинный дух, несмотря на многовековую борьбу с совершенно противоположными принципами, все еще насквозь пронизывает русского мужика; что «мир всякого жалеет», как говорили г-ну Трирогову крестьяне в Саратовской губернии; что особенности экономического строя, выразившиеся в существовании поземельной общины и промышленных артелей, обусловливают собою и особенности юридических понятий нашего крестьянина (по словам г-жи Ефименко, трудовое начало служит основою обычного деревенского права). Эта привычка к «скопу», к артели, выразившаяся в пословице «на миру и смерть красна», «мир — велик человек» и т. д., — создает тот довольно высокий уровень альтруистических чувств, который заставляет крестьянина гуманно относиться к преступлениям, — там, где борьба с преступником не обостряется до того, что становится вопросом жизни и смерти. На обыкновенном — сознаемся, несколько туманном — языке, это называется большею чуткостью непосредственного чувства в крестьянине.

Над этим-то непосредственным чувством, будто бы, «скользким и неуловимым, как налим», глумится г. Иванов в своем «объяснении недосказанного». Ну, разве мы не правы, называя разноголосицу сотрудников «Слова» и «Отечественных Записок» кошачьим концертом? Здесь воочию совершается то, на чем мы, еще детьми, привыкли смеяться в баснях дедушки Крылова: «Рак пятится назад, а щука тянет в воду».

Если бы из всего этого следовало только то, что взгляды на вопросы г.г. редакторов упомянутых журналов «скользки и неуловимы, как налим», хотя бы и не так соблазнительны, как «налимья уха» (будем уж говорить образным языком г. Иванова), то мы не стали бы долго останавливать внимание читателей на этом факте, как ни многозначителен он в истории «бедной русской мысли». Но все указанные противоречия затрагивают тот «проклятый вопрос», который не дает спать многим людям интеллигенции: этот «проклятый вопрос» выражается в двух не менее «проклятых» словах — что делать? Во времена блаженной памяти спора о крепостном праве эти слова означали следующее: 1) освобождать ли народ немедленно и 2) если освобождать, то не пропьет ли освобожденный мужик с радости и самого себя и свою вновь испеченную, но давно жданную свободу; а если да, если пропьет, то не лучше ли прежде освобождения заняться его просвещением.

Как известно, мнения разделились. Одни говорили — «прежде просветить, и потом уже освободить», а другие возражали, что просвещение закованного в крепостные цепи мужика — занятие столь же производительное, как и толчение воды в ступе.

И вот мужика освободили, не давши ему отведать даже крошек, падавших со стола европейского просвещения (кормление мужика крошками просвещения предполагалось в будущем). Увидя, что освобожденный — раньше принятия предохранительных капель просвещения — мужик не только не опивается, но и закабаляет себя только в крайней нужде, пессимисты были вне себя от удивления; раздались зловещие предсказания относительно будущего, но и они, как читатель знает, не оправдались. Таким образом, мнение, что просвещать мужика можно только после его освобождения, восторжествовало. Но, уничтоживши крепостное право, можно ли сдать этот спор в архив истории нашей мысли, или он и теперь не лишился своего значения. Ведь

На место цепей крепостных
Люди придумали много иных.

И нельзя ли задаться тем же вопросом при освобождении крестьянина от этих иных цепей, от цепей экономических и иных бедствий? Самое нехитрое умозаключение доказывает, что этот старинный спор ни на иоту не потерял своего значения и в наше время. И он ведется, как в литературе, так и в частных кружках, — он только принял иные формы, сообразно с изменениями обстоятельств, в какие поставлен мужик. Одни говорят, что в характере нашего народа есть много прекрасных много обещающих черт, что без всяких указаний науки он выработал такое отношение, положим, к земле, главному орудию производства в России, какое только теперь начинает «сниться нашим философам», что он отстаивал излюбленную им форму землевладения чуть не целое тысячелетие и, слабый и уступчивый во многом, в вопросе о типе своего экономического устройства проявлял удивительную стойкость и упорство. Когда приходилось невтерпеж, он «ударялся в беги», скрывался «за рубежом», населял пустынные окраины, но и там он

Знал одной лишь думы власть.

Эта дума была — о его праве на землю, «куда топор, коса и соха ходит», о праве свободного, общинно-автономного устройства.

Так было в истории.

Современные явления, вроде штунды, которая возникла положительно у нас на глазах; вроде указанных у г. Ефименко слухов о «черном переделе»; вроде возникающих время от времени слухов о переходе крестьян в казаки; вроде съемки земли целыми кре-

стьянскими обществами на началах круговой поруки, которая при таком ее применении есть только самый справедливый вид взаимного страхования, все эти явления доказывают, что мачеха-история не вытравила у русского народа начал общественности и что до сих пор наш крестьянин «один в поле не воин», что и до сих пор его «жуть съедает», когда ему приходится действовать в одиночку. Эти качества характера гарантируют народу светлое будущее, только не искажайте этого характера, только устраняйте тормазы, стоящие на пути народа к этому будущему. Вот что говорит одна сторона, и, как мы уже сказали, к ней принадлежит некоторая часть сотрудников «Слова» и «Отечественных Записок», насколько можно понять это из их произведений.

Нет, возражает им другая часть сотрудников тех же органов и многие голоса из публики, наш народ, как малолетнего ребенка, нельзя оставить без помочей, в его характере много задатков, которые обусловливают собою существование современных экономических зол; мало освободить его от этих последних, нужно прежде просветить его, чтобы этим застраховать от их возвращения, нужно пустить в ход хорошую педагогическую систему для переработки народного характера, потому что, как говорит г. Иванов, «западно-европейских язв у русского так же много (или почти так же), как и в его подлиннике; до сих пор мы думали, что западно-европейский человек служил подлинником только высшим классам общества, да и то не во всех отношениях, по г-ну же Иванову — и мужик наш заражен «европеизмом» (да вдобавок и не европейские черты русского человека оказались с «язвами» («Отечественные Записки», ноябрь, стр. 245).

Читатель видит теперь, на что сводится спор; он понимает также, что ни о какой «наживе капиталов», ни о каких «окладах» нет речи ни у одной из спорящих сторон, так что если г. Иванов и сделал такой неожиданный вывод из возражений своих противников, то единственное объяснение этому мы видим в том, что почтенный беллетрист «погорячился», вышел, как говорят герои г. Островского, из терпимости и. . . сделал «неправдышный» вывод.

Вообще «неправдышных», лишенных всякой логики выводов не мало у г. Иванова. Так, наприм., на стр. 246 он говорит следующее: «Появилось какое-то слащавое, чтобы не сказать, слюнявое отношение к народу. В то время, когда интеллигенция, ее скорби, ее недуги и язвы разрабатывались довольно подробно и дельно, всякое деловое отношение к народу считалось неуместным». . . «Позвольте, г. Иванов, кто и когда говорил против делового отношения к народу? Высказывались известные мнения, оспаривались скороспелые выводы на тему «ты мужик, так ты нечист»; но считать всякого имеющего хорошее мнение о характере и тенденциях народа, лишенным «делового отношения» к нему,

не значит ли это уподобляться лабазнику, который, нанявши для своего сына учителя, никак не может понять, что с его «мальченком можно обойтись «без бою», и кроткое отношение к ребенку считает отсутствием «делового отношения» к педагогике? Право, здесь такая же логика: ругаете вы мужика — прекрасно; в вас нет «идеализации»; вы любите свой народ и основательно изучаете его «недуги». Но едва вы начинаете доказывать, что без высокого уровня социальных чувств народу нельзя было бы выработать таких справедливых земельных отношений, того обычного права, в основе которого лежит трудовое начало и по которому судятся и рядятся наши крестьяне, — были бы немыслимы такие явления русской жизни, как раскол; едва осмелились сделать такое возражение, — вас исключают из числа «критически мыслящих» людей, вас обвиняют в поклонении «старому сапогу». В такой полемике есть все, что угодно, но нет «делового отношения» к возражениям противной стороны.

Кстати о старом сапоге. Нам помнится, что г. Гл. Успенский смотрел на это дело несколько иначе. Припомните его «Записки лентяя»; там деревенский дьячок рассказывает отставному солдату о том, как у них в селе поселился бегун. В непродолжительное время этот бегун расшевелил крестьянскую мысль, заставил ее мучиться над решением самых запутанных общественных отношений. Дьячка стали осаждать просьбами «сделать спор»; в споре все толковали о душе, о земле, о выкупных платежах. Как ни сбивчивы были аргументы, на которых строили крестьяне свои выводы, но факт тот, что темному старику-раскольнику удалось расшевелить народную мысль, — дело, до сих пор не всегда удающееся интеллигенции. Как вы думаете, читатель, неужели на такие услуги способен «старый сапог»? Нам кажется, что для этого требуются скорее сказочные семиверстные сапоги-скороходы. Или не полагает ли г. Иванов, вместе с сельским дьячком, что бегуны «самая злющая ересь это». Если так, тогда и разговор с ним будет другой (вряд ли кому придет в голову оспаривать мнение сельского дьячка), но едва ли г. Иванов не откажется от подобных единомышленников. А если откажется, то останется в противоречии с самим собою [1]), и пока он не разъяснит этого противоречия, за ним будет числиться некоторая недоимка на счетах логики.

«Стали восхваляться, — говорит он далее (стр. 250), — разные качества этого народа, независимо от условий, в которых им приходится развиваться»... Это опять не верно. Если кто и делал подобные ошибки, то упрекать в этом всех своих противников

---

[1]) Мы считаем возможным говорить о г. Иванове и Гл. Успенском, как об одном лице, так как сам Гл. Успенский раскрыл свой псевдоним в новом издании его очерков.

г. Иванов не имеет права. Независимо от условий никто не рассматривал народных качеств — напротив, считая экономические отношения данного общества самым лучшим реагентом для узнания степени развития социальных чувств в этом обществе и видя, что общинное владение считается крестьянами за идеал [1]), заключали из этого, что альтруистических чувств, привычки к общественности и «социализации труда», которыми только и держится всякое общество, русскому народу не занимать стать у его западно-европейских соседей, у которых испарилось всякое воспоминание об общине.

Можете ли вы, г. Иванов, упрекнуть своих противников в том, что они обращали мало внимания на общинное владение, что они рассматривали народный характер независимо от существования общины? А ведь она есть также одно из условий, определяющих народный характер и воздействующих на него. Можно было говорить, что влияние этого условия преувеличено, но сказать, что народные качества рассматривались совершенно «независимо от условий и т. д.», мог только очень зарапортовавшийся человек. Вам, г. Иванов, кажется, что разлагающему влиянию кулачества и плохого экономического положения (которое надо строго отличать от экономического строя) «в деревне нет даже тени чего-нибудь равносильного в смысле отпора», а ваши противники думают, что этот отпор дается общинным владением землею, и насколько удачен этот отпор — вы сможете видеть из факта, знакомого всякому, знающему житье-бытье нашего городского рабочего. Дело в следующем. Известно, что промышленные рабочие в Петербурге, как и везде, разделяются на заводских и фабричных. Последние всегда живут артелями, между тем как первые селятся в одиночку. И как бы вы ни доказывали заводскому рабочему экономических преимуществ артельной жизни, он, может быть, и согласится с вами, но все-таки ответит вам роковым «с нашим народом не уживешься». А между тем фабричные, гораздо ниже заводских стоящие в умственном отношении, уживаются с своим народом. Какая же разница между этими «народами»?

Разница та, что заводские рабочие преимущественно горожане, с малолетства воспитанные в привычках городского индивидуализма, а фабричные — крестьяне-общинники малоземельных центральных губерний. В общине заключается разгадка этой непонятной на первый взгляд разницы между двумя классами промышленных рабочих.

---

[1]) Мы говорим, главным образом, о великорусских крестьянах, хотя многие факты указывают, что этого идеала не чужды и малороссы.

*

Вообще нужно сознаться, что «деревенский дневник» г. Иванова-Успенского производит очень тяжелое впечатление. К счастью, за утешением ходить не далеко. Во-первых, нам известно, что г. Иванов только недавно перешел к изучению жизни крестьянской; до сих пор он изучал — и действительно изучил прекрасно — быт городских мещан и вообще городского пролетариата. Мы уже говорили, что этот последний отличается большим индивидуализмом, а г. Иванов не видит этой разницы и переносит на крестьянскую среду взгляды, которые были совершенно верны и никем не оспаривались по отношению к городу, но вызывают сильные нападки, когда он вздумал применить их к новому объекту его наблюдений — деревне. Второе утешение заключается в помещенных в той же книжке «Отечественных Записок», где напечатана последняя глава «дневника», статьях г.г. Златовратского и Трирогова («Деревенский Авраам» и «Наши общины»).

Мы уже говорили, что выводы этих авторов противоречат выводам г. Иванова; теперь постараемся указать эти противоречия.

«Значительное большинство крестьянского населения, — говорит г. Иванов (стр. 254) — все более и более теряет между собою мирскую связь, так как все более и более чувствует трудность своего личного положения». «А у нас на разуме совсем другое, — возражает крестьянин Доронин [1]), — мы думаем, как бы три общества в одно присогласить, побольше бы приволья, да поменьше бы на брата пришлось деньжонок пастухам платить» [2]).

«Дележ 200 р., — продолжает ныть далее г. Иванов, — взятых с кабатчика, показывает, до какой степени вымерла мысль о дружном общественном хозяйстве... у всякого много своих забот, всякому нужны свои два рубля, тогда как те же 200 рублей дали бы миру около 200 же десятин земли и 10 дес. дровяного лесу... каждый видит, что надежда только на себя, и сообразно с этим живет изо дня в день» (стр. 254).

Теперь слушайте, что говорят по этому поводу сами крестьяне:

— Как же вы с быком справляетесь? — спрашивает г. Трирогов крестьян.

— Купили миром, по восьми гривен с души сошло, — отвечают крестьяне.

«Деревня Кривопавловка, — рассказывает г. Трирогов, — привлекла внимание особенностью своего наружного вида. Оказалось, что, по словам старосты... отличительные ее общинные черты состояли лишь в том, что она снимает в аренду землю у землевла-

---

[1]) «Отеч. Зап.», ноябрь, «Наши общины», стр. 135.

[2]) Интересно бы знать, что же такое «на разуме» у крестьян, по мнению редакции «Отеч. Зап.», которая поместила в одной книжке две статьи с диаметрально-противоположными выводами.

дельца и эту-то съемную землю делит между своими сочленами по их экономической силе, а их душевой надел обратила в залежи под пастьбу скота» (стр. 139).

В статье г. Варзера [1]) г. Иванов также найдет много примеров «дружного общественного хозяйства», и это относится даже не к великоруссам, а к малороссиянам, у которых общинное владение землею развито гораздо менее, чем в местностях великорусских.

— А не было ли такого примера, — продолжает «пытать» крестьян г. Трирогов, — чтобы мир понажал кого-нибудь, — мало ли какие люди бывают?

— Мир всякого жалеет (стр. 140).

Чем, кроме субъективных различий, можно объяснить такую разницу впечатлений, вынесенных двумя наблюдателями из одной и той же местности — Поволжья?

Еще два слова г. Иванову. Он сокрушается о том, что право на земельный надел имеют только взрослые крестьяне и не имеют его старухи и подростки, вроде Федюшки-конокрада. Но не от крестьян идет то, что земельный надел связан с налогами, платить которые наверное «не изнемогли бы» старухи и подростки, хотя за последними по смерти отца и остается иногда земельный надел, если только есть какой-нибудь намек на их экономическую правоспособность.

Быть может, г. Иванову хотелось, чтобы мир взял на себя эти налоги. Но, как бы строго ни был проведен трудовой принцип в земельные отношения крестьян, право на обеспечение лиц, неспособных к труду, из этого принципа вывести нельзя. Тут уже выступает на сцену другой, гораздо более нравственный, но и гораздо труднее достижимый принцип «каждому по потребностям». Никто и не говорил, что этим последним принципом руководятся наши крестьяне в своих взаимных отношениях, хотя там, где великорусс поставлен в более благоприятные экономические условия, он не отказывается и от него. В статье г. Флеровского «Организация труда на Урале», помещенной в «Знании», если не ошибаемся, за 1871 г., рассказывается об обычае уральских казаков производить лов рыбы в реке Урале сообща («дружное общественное хозяйство») и затем делить улов на части, по числу участвующих, но при этом всегда отделяется некоторая часть тем, которые, по независящим от них обстоятельствам, не могли участвовать в ловле своими трудами, старикам, больным и т. д.; здесь уже виден зародыш принципа «каждому по потребностям».

---

[1]) «Евреи-арендаторы» в Черниговской губ., «Отеч. Зап.», октябрь.